

Алла Соловьева

ЗАТЕМНЕННАЯ СЕРЕБРОМ
ЗАТЕМНЕННАЯ СЕРЕБРОМ. В ЛАБИРИНТЕ ТАЙН

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Алла Соловьева

Затемненная серебром.
В лабиринте тайн

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2013
 SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С-60

Серия основана в 2011 году
Выпуск 72

Художник
В. Федоров

Соловьева А.

С-60 Затемненная серебром. В лабиринте тайн: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 409 с.: ил. (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-1562-5

Как мотылек меж двух огней, только бы крылья не опалить... Злата — верлаф или вампир-оборотень с серебром в крови, студентка Академии Хранителей света, пытается разобраться в чувствах. С одной стороны, Елизар — желанная, но недостижимая мечта. С другой — верный, преданный и надежный Макс. Но есть ли право на выбор? И обретет ли она истинные чувства? Или придется сражаться за нечто более важное? Ведь рядом с городом верлафов появляются враги, в жестокости которых уступают даже Охотники — самые страшные представители враждебного клана мракауров — вампиров-убийц, наделенных телекинезом. Кто они? Зачем пришли? И почему они наделены такой силой? Пытаясь найти ответы на вопросы, девушка еще не знает, что запутается в лабиринте тайн, окружающих не только клан оборотней, но и ее саму.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1562-5

© Алла Соловьева, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ПРОЛОГ

Не судьба выбирает нас — мы ее. Подобно скоростному поезду, она всего лишь ссаживает на нужной станции и тут же скрывается за горизонтом, оставив один на один с действительностью...

Моя остановка оказалась кошмаром, но с самого начала я знала, куда и зачем иду. Бросаясь сюда, я предполагала, что из этого лабиринта смерти выхода может не быть. Догадывалась, что могу попасть на край пропасти, но рискнула всем. Чрезмерно высока ставка и слишком важна для меня конечная цель. Вот только я не просчитала, что самым серьезным препятствием на пути к ней станет мой собственный инстинкт оборотня...

Рассудок плавал, тонул в бездне телекинетической энергии, терялся в ней. Зрачки расширились. Преследующий зловонный запах крови обжег нос. Страшная картина все еще колебалась в сознании, не желая скрыться в глубинах памяти хотя бы на короткое время. Дать отвлечься. Сосредоточиться. Храм крови... Только чудовища могли назвать это место святилищем! Мелкие волны дрожи пробежали по позвоночнику, сотрясли тело. Оборотень, живущий во мне, принуждал зарычать, броситься и разорвать. Но шуметь нельзя! Иначе потеряю не просто жизнь, а нечто более значимое.

Проглотив острый, как осколок, ком, я повернулась к выходу. Стараясь не смотреть по сторонам, бросилась вперед. В данный момент я бежала не через коридор с клетками, а через собственные убеждения. Почерневший, ломающийся, рассыпающийся на осколки мир Хранителя света. Да, с самого детства я знала, что мир вампиров невероятно жесток. Я ведь всегда была частью него. На протяжении тысячелетий мракауры, вампиры-убийцы, наделенные телекинезом, были

костью в горле для таких, как я, — Хранителей света из клана верлафов, вампиров-оборотней с серебром в крови, защищающих хрупкие человеческие жизни. Но сейчас я не хотела видеть лица смертных или запоминать их. Просто осознала: как бы ни был оборотень внутри меня, как бы ни взывал инстинкт, как бы ни хотелось освободить этих несчастных, я не смогу им дать даже малейшую надежду на спасение, так как не имею ее сама. Глупая — где-то в глубине души я рассчитывала на способности, но их оказалось недостаточно...

Ладони с силой толкнули металлическую дверь. Храм крови остался позади. Я неслась по извилистой лестнице и только наверху обернулась пантерой. Новый всплеск бьющего озноба тут же сотряс тело, достиг подушечек лап. Серебряные когти тихо заскребли по мраморным плитам пола. Еще секунда — и не справлюсь. Из горла вырвется рык, и я обнаружу себя. Сцепив острые, как клинки, клыки, я прикрыла веки. «Запрещено!» — вспыхнула предостерегающая мысль. Не смей! Забудь, что видела! Нужно подавить инстинкт и найти электронный ключ. Знать бы еще, как он выглядит, — карта, микрочип, брелок? Но главный вопрос: где он? Сейчас это самое важное!

Осадив зверя внутри себя, я неслышно скользнула вперед: тихо, крадучись, изогнув черную спину. Широкий коридор не заканчивался и по-прежнему тянулся прямой, погруженной в темноту стрелой. Двери викторианской эпохи, из черного дерева, с ручками, инкрустированными слоновой костью, проплывали одна за другой. Шепот... Чуть впереди послышались едва различимые, приглушенные толщиной каменных стен, голоса. Тенью скользнув за колонну, я затаилась. Старалась усмирить звуки рвущегося из груди громко стучащего сердца. Меня не почувствуют, но малейшее движение, шорох — и меня услышат. Обнаружат — и тогда провал...

Глава 1

НЕПРИЯЗНЬ

Зиме нет дела до размеренной жизни смертных, жестокости Охотников и скорби верлафов. Холодными голубыми зеницами неба она молча разглядывала землю — не хмурясь, но и тепла в этом взгляде нет. Обычный ясный январский день, ледяной от пронизывающего ветра. И снег, снег, снег: девственно-белый, сверкающий, словно посеребренный, покрывающий все поверхности, до боли слепящий глаза.

Мы приближались на автомобиле к старинному зданию Академии Хранителей света. Кованые ворота с прыгающими навстречу друг другу волками сегодня распахнуты настежь. Над главной башней, освещенной по-зимнему холодным солнцем, от ветряных порывов вздрагивает приспущенный серебристый флаг верлафов с изображением черного волка. Будто сообщает о скорби, напоминает о боли, заставляет задуматься о потере. Бам... Бам... Бам... Размеренно и словно горестно забили бронзовые часы над входом. Витые стрелки замерли на одиннадцать. До церемонии прощания еще целый час, но верлафы начали прибывать сюда с самого утра...

Двор забит. Живой, нескончаемой рекой оборотни тянутся к распахнутой настежь дубовой двери, теснятся плотными группами, стоят на площадке перед входом. Стройные, подтянутые фигуры Хранителей света чернеют костюмами для трансформации с серебряными бляшками «Щита и клинка» на широких поясах. Снуют студенты. В глазах некоторых — испуг. В основном это младшекурсники, в сознании которых не укладывается мысль, что верлафы могли погибнуть. В нахмуренных лицах старших учеников застыла холодная сдержанность. Они знают уже не из уроков истории вампиров, что вечно живущие смертны. Для многих из них традицион-

ный бал Хранителей света обернулся сражением. В эту ночь Охотники Виктора Коншина из клана мракауров напали на мегаполис смертных и на нашу лабораторию, и именно тогда были разорваны Хранители — всего три дня назад. Будто отыскивая доказательства трагедии, взор выхватил...

Огромный старый дуб казался застывшим спящим титаном, окутанным снежным кружевом. Подле него замер катафалк — жуткий извозчик мира теней, чернеющий блестящими, отполированными поверхностями. Чуть впереди машины шестеро Хранителей света удерживали под уздцы белых лошадей: лоснящихся, грациозных, с длинными шелковистыми гривами. Интересно, откуда их привезли? На территории нашего города нет конюшен, ипподрома или чего-то похожего. Оно и понятно: любые животные чувствуют в нас хищников — тревожатся, пугаются, дрожат и ведут себя беспокойно. Эти белые лошади тоже не исключение: встревоженного ржания не слышно, но волны дрожи, проходящие по крупам, видны даже из-за тонированных стекол внедорожника. Белоснежным красавцам предстоит возглавить траурную процессию. Это старый обычай верлафов, его необходимо соблюдать. Белая лошадь символизирует свет и напоминает о беге времени. Именно она должна перенести души в другой мир: пугающий, загробный, но, по нашим древним преданиям, светлый и дарующий вечный покой. Возможно, там усопшие не будут испытывать жажды...

О том, чтобы пристроиться на широкой парковке академии, и думать нечего. За всю свою недолгую восемнадцатилетнюю жизнь вампира-оборотня я ни разу не видела здесь столько машин одновременно. Блестящие дорогие седаны, скоростные купе, огромные внедорожники. Двигаются медленно, ищут место, где можно остановиться. Замирают. Выпускают из своих теплых недр верлафов.

BMW Николая Вязина притормозил напротив дубовых дверей главного корпуса. Не дожидаясь вмешательства суетливого охранника, пассажир распахнул дверцу. Черный дорогой ботинок уверенно встал на брусчатку. Светловолосый Николай в темном кашемировом пальто вышел на расчищенную от снега, вымощенную серым булыжником площадку. На безымянном пальце левой руки в ослепительных лу-

чах солнца блеснул массивный серебряный перстень в форме головы волка с глазами-агатами.

Для всех — мудрый, волевой глава клана верлафов, а для меня — почти отец. Сколько себя помню, он всегда считал меня своей дочерью. И я относилась к нему соответственно. Николай чуткий, добрый, любит всем сердцем маму и меня. Разве это не основание, чтобы отвечать взаимностью? Только жаль, что мое мнение не совсем совпадает с суждением Ирины, — мама предпочитает видеть в нем надежного друга.

Оглядев двор академии, Вязин помог выбраться Ирине. Несмотря на свои сто восемь (это маме) и триста (Николаю), выглядят они на двадцать пять и тридцать. Ничего удивительного: после двадцати пяти старение надолго замедляется, а достигнув внешне тридцатилетнего порога, мы вообще перестаем меняться.

Зашуршав зимней резиной, джип Макса Фадеева, в котором сидела и я, поравнялся с седаном Николая.

— Здесь не припарковаться. — Макс задержал взгляд на Вязине, оглядел плотные ряды автомобилей, вывернул руль и двинулся в глубь двора.

— Мы можем присоединиться к ним и в конференц-зале. — Отстегнув ремень безопасности, я достала из сумочки зеркальце и поправила длинные черные волосы. «Глаза снова серые», — машинально отметила я. Когда они в последний раз были изумрудного цвета, уже и не помню.

Макса отсутствие свободного места не обескуражило. Он свернул на широкую дорожку, обрамленную высокими живыми изгородями, ведущую к лабиринтам тренировочных площадок, и метров через сто, едва не задев бампером каменную скамью, остановился. В любое другое время Юрий Петрович Фомин, директор академии, устроил бы за проезд в пешеходную зону выволочку, но не сегодня. Двигатель заглох. Сдвинув темные солнцезащитные очки на макушку, Фадеев посмотрел на меня.

О его недавнем тяжелом восстановлении сейчас ничего не напоминает, но неугомонный рассудок перенес меня в недавнее воспоминание — шестьдесят часов назад.

...Тяжелая дверь в комнату закрылась, оставив меня один на один с моим парнем. Я ощущала страх перед тем, что увижу. Ведь знаю, что Макс ранен очень сильно. Слишком мед-

лю, застыв на пороге. Большие окна прикрыты кремовыми, даже по виду тяжелыми шторами, погружившими спальню в полумрак. Наконец зрачки сфокусировались... и испуганно расширились.

Крупное, будто высеченное из куска светлого мрамора, тело Макса разметалось на большой двуспальной кровати. Он лежит на животе. Красивое лицо касается щекой подушки, но выглядит бледным и изможденным. Чуть полноватые губы — сухие, обескровленные, испещренные мелкими трещинками. Нижняя часть тела прикрыта легким одеялом, но, увидев его обнаженную спину и шею, я содрогнулась. Даже для верлафа эти раны — ужасающие. Не зажившие до конца глубокие полосы сочатся кровью. Ионы серебра усиленно исцеляют Макса, но, очевидно, он был изранен настолько, что они справляются медленно.

Я постаралась совладать с учащенным дыханием, но это удалось не сразу. Если бы не Елизар Тагашев, Макс бы погиб, как и все оборотни, охранявшие лабораторию. К счастью, он жив. Хотя больно видеть сильного парня, который мне дорог, в таком состоянии.

Нерешительно я подошла к кровати. Присев на самый краешек, чтобы не побеспокоить, коснулась черных густых волос на затылке. Острый, раздражающий осколок застрял в горле, и только огромным усилием воли я подавила подступившие слезы. Макс вскрикнул, застонал. Ему больно, очень больно и... жарко. Причиной этому — не температура, а испепеляющий жар, сопутствующий восстановлению оборотня. Ионы серебра в крови — особенность, отличающая нас от других вампиров, но с обычным металлом они имеют мало общего. Благодаря этим крошкам мы трансформируемся в крупных хищников, именно они побуждают защищать жизни смертных и они же исцеляют. Правда, процесс болезненный и сложный. А заживление таких ран, как у Макса, займет сутки или двое. Нужно ждать...

Сумерки давно сменились тьмой, минуты превращались в часы, но он так и не пришел в себя. Обхватив плечи, я дрожала: не от холода — от осознания собственного бессилия. Если бы можно было ускорить процесс исцеления — хотя бы на время отдать ему свою способность восстанавливаться быстрее, чем любой из верлафов! Эта идея заставила вскинуть го-

лову. Конечно, передать ему свои способности я не смогу, но ведь можно попытаться по-другому. «Моя кровь...» — пронеслась мысль. Если наша кровь излечивает раны смертного, то почему бы не попробовать сделать это и с верлафом? Возможно, я смогу облегчить страдания, ведь больше всего хочется видеть Макса прежним: неуязвимым, импульсивным и... нежным. Я склонилась к его уху.

— Мы только попробуем, Макс, — зашептала я. — Самое неприятное, что может случиться, — это ничего не произойдет.

Выбросив серебряные когти на правой руке, я коснулась ладони левой, затем с силой надавила и резко дернула на себя. Острые, как бритва, когти, вспоров кожу, прорезали глубокую рану. Тонкие порезы затянулись бы довольно быстро. Почувствовав свободу, красная теплая струйка сбегала по коже. Ладонь потянулась к спине Макса, сжалась в кулак.

Кровь капала, капала... капала... Сначала не было никаких изменений, но потом края ран начали розоветь, стягиваться быстрее, и я расслабилась. Осознала, что все получилось: процесс восстановления ускорился. Рана на моей ладони медленно стянулась, проползла розовым шрамом и исчезла. Но не на нее я смотрела. Под правой ключицей кожа восстановилась полностью, обозначив крупную родинку идеальной круглой формы: очень темная, почти черная — красивая. Смахивая капельки пота, пальцы коснулись его щеки, затем виска. Макс дышал более спокойно. Осторожно начала перебирать темные пряди, вспоминая, как плакала от облегчения, узнав, что он жив. Сейчас я была счастлива, радуясь той мысли, что лучший из Хранителей света, мой ангел-хранитель, ставший моим парнем, по-прежнему со мной... Секунды перерастали в минуты: десять... пятнадцать... сорок две...

— Злата... — Едва различимый шепот заставил вздрогнуть.

— Макс? — позвала я.

Застонав, он слабо пожал мою кисть. Пришел в себя! Слышит, чувствует, знает, что я рядом. Губы растянулись в улыбке. Теперь можно позвать донора. Он давно ждет и тоже переживает за Макса. Свежая кровь поможет завершить восстановление. Наконец его веки дрогнули, разомкнулись. В си-

них, как ласковое теплое море, глазах плеснулись привычное тепло, нежность и... боль...

...Резко тряхнув волосами, я сбросила нахлынувшие воспоминания. Слишком болезненные, лучше бы их забыть. Но как выбросить из памяти страшные события, если о них напоминает все? «Скорее бы закончился этот день», — в который раз за утро подумала я, глядя в окно внедорожника. Будто подтверждая мои мысли, Фадеев посмотрел на идущих мимо студентов и тяжело вздохнул. Раны его зажили, но в душе навсегда останется боль от потери друга. Вцепившись в руль, он медлил и из машины не выходил. Рука парня слегка подрагивала.

— Как ты? — Стянув очки с его головы, я осторожно положила их на приборную панель.

— Настроение несется под откос, — глухо признался он. — Аркадия разрывали, а я ничего не смог сделать. — Впервые за три дня Макс заговорил о смерти товарища. — Охотники уничтожили Хранителей с такой легкостью, словно перед ними были необученные студенты. А я мог только рычать от бессилия.

Не зная, что сказать, я обхватила его ладонь своими. Да и уместны ли слова утешений? Он будто винит себя в чем-то, но этого чувства быть не должно. Фадеев — истинный Хранитель света и отдал бы свою жизнь за любого — не важно, человека или оборотня. «Не думал, что волк может быть настолько сильным», — вспомнила я слова Елизара. Да, Макс сражался до последнего, и нет ничего удивительного, что его называют лучшим.

— Ты сам едва не погиб. Да и Охотников было слишком много, — только и сумела сказать я, стараясь, чтобы голос прозвучал как можно мягче.

Потянув большую теплую ладонь Макса на себя, я потерлась об нее щекой. По расслабившимся мышцам поняла, что он немного успокоился. Наклонившись, поцеловал меня в макушку и кивнул в сторону академии:

— Тянуть время бессмысленно. Пойдем, Злата.

Перегнувшись через сиденье, он достал огромный букет белых роз — знак чистоты и света, символизирующий не траур, а жизнь смертных, которых когда-то защищали погибшие Хранители.

Вдохнув приторно-сладкий аромат цветов, я кивнула:
— Да. Мы должны идти.

Едва распахнув дверцу, я почувствовала стукки телекинетической энергии Елизара и его сводного брата Марка. А несколько секунд спустя увидела припаркованный немного левее «патрол» Тагашева. Елизар неторопливо вышел из машины. Дожидаясь, пока выберутся светловолосый Марк и Альбина — потрясающе красивая девушка, созданный вампир, которая стала мне подругой, — мой наставник вперился в меня взглядом, будто почувствовал даже на расстоянии. Но лицо прикрыто надежной непроницаемой маской, и заглянуть под нее невозможно — можно лишь догадываться, о чем он думает. Через минуту троица двинулась по дорожке, как всегда, привлекая внимание проходящих верлафов. Хотя никого больше не беспокоит, что Елизар и Марк — не оборотни, а мракауры, наделенные способностью к телекинезу. Девушки, идущие по тротуару, по-прежнему провожают его восхищенными взорами, а Хранители света и мужчины-верлафы считают их сильными представителями нашего клана.

Макс галантно протянул руку, заставив сосредоточиться на нем. Стоило оказаться на улице, как холодный ветер дернул полы пальто и забрался внутрь, вынудив поежиться.

Альбина и Марк приблизились. Немного отстав, Тагашев двигался за ними. Как же он красив! Мучительно красив и недоступен. Черный дорогой костюм под длинной распахнутой курткой подчеркивает высокий рост. В свете лучей солнца темные волосы отливают неяркой синевой. За распахнутым воротом рубашки блеснула тоненькая невесомая полоска — цепочка с серебряной пантерой, которую я подарила ему на балу. Не видела его всего три дня, но они растянулись на века. Перестав дышать, я наблюдала за его приближением. Темные глаза цвета самых прекрасных на свете сапфиров мгновенно затагнули в бездонную глубину, потопили. Друг, наставник... любимый... Нет, о последнем думать нельзя! Но ведь смотреть на него никто не запрещал? Я мысленно касалась точеных скул, щек, губ. Медленно отмечала каждую черточку и осознавала, что ни одна из них не доступна.

И боль вернулась... Подняла голову, возродилась, как феникс, восстав из пепла и вспыхнув новым пожирающим ог-

нем, хоть и другим. Теперь я не смогла бы распознать, где тот хрупкий рубеж, когда мне было больнее, — когда я была убеждена, что он не любит меня, или сейчас, когда знаю об обратном? Сердце стукнуло, сжалось, стукнуло, рванулось навстречу, будто стараясь слиться с его сердцем, заработать в унисон. Ему плевать на все условности и законы. Но холодный рассудок сопротивлялся. Стараясь подавить эмоции, я задержала дыхание.

Так уж получилось, что двое парней стали играть в моей жизни важную роль. Две части меня: одна небольшая, другая огромная, но обе невероятно значимые. Протivoестественно? Наверное, да. Я не стремилась к этому, но отрицать очевидное — значит, солгать самой себе. Хотела бы, чтобы все было иначе, только судьба со мной не согласилась, рассмеялась, выбросила за порог счастья и вознамерилась наблюдать, смогу ли я обрести его вновь, поменяв жизненно важные части местами.

Да, Макс — мой парень, он мне очень дорог. Моя тихая гавань, давшая прибежище и надежное укрытие от всего, что со мной происходило. Мой серебряный, переполненный живой водой колодец, дарующий исцеление от душевных ран. За него я боялась и его чуть не потеряла. Ради него готова на многое, но... Вся моя жизнь заключена в Елизаре! Красивый мракаур из враждебного клана, бывший ведущий Охотник Виктора Коншина, присоединившийся к клану оборотней и перевернувший всю мою жизнь с ног на голову. Противоречие, не подчиняющееся ни одному закону. Его повстречала! В него влюбилась! Ради него готова даже умереть. Только это ведь ничего не изменит. Он не позволит себя любить, слишком боится за мою жизнь. Находясь рядом с ним, я всегда буду подвергаться опасности. Виктор Коншин не оставит Елизара в покое из-за силы, заключенной в нем: его способности ставят в тупик, а уровень телекинетической энергии превышает все известные нормы. История вампиров не знает явления, подобного Тагашеву. Но есть и еще одна причина. Закон мракауrow: «Мракаур и верлаф не могут быть вместе, а их кровь не должна смешаться». В противном случае уничтожаются оба нарушителя, в нашем случае это буду только я. Глупый, протivoестественный закон, ведь мракауры — вампиры-убийцы. Они неспособны на чувства, не могут любить,

сострадать или испытывать жалость. Но Елизар, как и его брат, и в этом отличаются от представителей своего клана. Поэтому нас с Тагашевым закон коснулся. Два основания воздвигли между нами монолитную стену, наложившую табу на любовь. Он — друг, наставник и ничего больше...

Вцепившись в надежную опору — Фадеева, затянутого в строгий костюм и черную куртку, я прильнула к нему. Какой же он теплый.

— Злата! — Как только мы поравнялись, Альбина бросилась ко мне. Изящные руки девушки обняли меня за шею. Светло-русые длинные локоны на миг окутали мягким шелковистым пологом. — Это ужасно! — печально вздохнула она, очевидно, имея в виду нападение Охотников и смерть верлафов. Отстранившись, посмотрела на Макса: — Знаю, что Аркадий был твоим другом. Прими соболезнования. — В золотисто-карих глазах, обрамленных длинными ресницами, появилось искреннее сочувствие.

— Спасибо, Альбина. — Макс тепло посмотрел на Малышеву и обменялся крепким рукопожатием с Марком Ланбином.

Со времени появления в клане верлафов этой влюбленной пары Фадеев, как и я, начал считать их своими друзьями. Сегодня в серо-зеленых глазах Марка не было привычных веселых искорок. А вот светлые короткие волосы, как всегда, взъерошены, что придает парню схожесть с взъерошенным воробьем. Но это касается только прически. Уровень телекинетической энергии парня и сильное гибкое тело способны вогнать в дрожь даже Охотника.

— Рад, что ты в порядке, Макс. — Марк вновь подхватил Альбину под локоть. — Если быть честным, мы за тебя перетрусили. Чтобы выжить после встречи с двадцатью Охотниками, просто оборотнем быть недостаточно.

— Да, для этого нужно быть знакомым с самым сильным из мракауров. — Только теперь Макс повернулся к Тагашеву.

Взгляды скрестились. Беспокойство впилось в меня тысячами льдистых иголок. Я застыла, ждала... Меньше всего хотелось стать причиной распрей между ними, ведь Макс знает, как я отношусь к Елизару.

Вначале лицо Фадеева ничего не выражало. Он спрятал все свои эмоции за бесстрастной маской, как и Елизар. Но

потом посмотрел на шею Тагашева. Как назло, серебряная пантера бесстыдно выглянула из-под воротника ослепительно-белой рубашки. «Нет!» — мысленно застонала я. Миг, и губы Макса поджалась, квадратные скулы напряглись. А Елизар... Я никогда не видела такого противостояния эмоций. Темные омуты на миг оттаяли, но словно под принуждением. Не подчинились: сузились, полыхнули ледяной сталью; опять потеплели. Очевидно, Тагашев отчаянно подавлял чувство неприязни.

— Сегодня должна была быть захоронена тридцать одна урна, но благодаря тебе их тридцать. — Фадеев заговорил с нажимом, словно оттачивая каждое слово. — Я обязан тебе жизнью, мракаур. За мной должок. — Слова противоречили холодному тону. Макс с силой, до одеревенения пальцев, стиснул мою ладонь.

Сухость Фадеева принесла горькие плоды. С эмоциями Елизар не справился, хотя и старался.

— Ты ничего не должен мне, Макс. Рад, что смог сохранить шкуру волка, — небрежно бросил Тагашев.

То ли от их слов, то ли от стужи, возникшей между ними, я поежилась. Парни говорили очень тихо, но жестко. Мои сокровенные надежды, что отношения этих двоих смягчатся, разбивались о стену их вражды. А ведь все должно измениться. Макс обязан Елизару жизнью, только для Макса, похоже, этот аргумент не перевесил другие. Да и Елизар ведет себя неадекватно. Глупо проявлять враждебность к Максусу, если давно все решил. «Он отличный парень. Ты будешь счастлива с ним, Злата», — вспомнила я фразу Елизара и проглотила ставшую вязкой слюну. Быстрым движением Тагашев спрятал пантеру под рубашку. Марк и Альбина переводили взгляд с одного на другого. Они догадываются о причинах их взаимной неприязни, но не знают, как реагировать. Елизар — семья, а Марк всегда хотел, чтобы мы с его братом были вместе. Но и Макс — его друг.

— Пойдем, Елизар, — позвал Марк, очевидно, желая развести парней подальше друг от друга.

— Я догоню. — Тагашев не уходил.

Он поздоровался с двумя девушками и тремя парнями Хранителями, высыпавшими из серебристой «хонды». По-

хоже, пешеходная дорожка в качестве стоянки привлекла не только нас с Максом.

Марк увлек Альбину за собой, но постоянно оглядывался. Вероятно, ситуация не давала ему покоя. Ежась от ветра и наслаждаясь уютной ладонью Макса, я выжидающе смотрела на наставника. Понятно, что остался из-за меня и хочет что-то сказать, хотя я бы тоже с удовольствием утащила Фадеева. Судя по напряженным мышцам, общение с Елизаром радости ему не доставляет.

— Что-то насчет тренировки? — поторопила я Елизара.

Темные омуты глаз мгновенно обволокли теплом, лаская, задержались на губах. Смешавшись, я торопливо опустила ресницы. Ну зачем он так смотрит?

— Да, Злата, — подтвердил Тагашев и вновь с кем-то поздоровался кивком. Оно и понятно, наставников-мракаулов знает вся академия. — Если ваша практика не возобновится, то занятия, как обычно, будут по вечерам. Опаздывать и поступать необдуманно все еще запрещено, — многозначительно добавил он.

Я не увидела улыбки на его лице — не место и не время, — но поняла, что он хотел бы по-доброму улыбнуться. Словно желая прикоснуться, он потянулся ко мне, но, покосившись на Фадеева, вместо этого убрал со своего рукава несуществующую пылинку. Слушая нас, Макс сильнее сдавливал мои пальцы, не замечая этого. Похоже, наша беседа с Елизаром его раздражала.

— Значит, о практике ты тоже ничего не знаешь? — Забыв о напряжении Макса, я задумчиво закусил губу.

Этот вопрос мучал старшекурсников в течение трех дней. Ведь практика не завершена. Тем не менее информационная доска в холле академии пуста, а Хранители-наставники ничего не знают. В течение месяца мы наряду с опытными Хранителями света должны были патрулировать мегаполис на предмет вампиров, но в связи с нападением практические занятия были прерваны. Не то чтобы я горела желанием ночи напролет носиться по паркам, подворотням или ночным клубам, но это важная часть обучения.

— Сегодня вечером этот вопрос решится на совете, — сообщил Елизар.

Сначала я подумала, что неверно расслышала в царящем

шуме. Гул голосов, хруст снега под ногами, непрерывная работа двигателей, хлопки автомобильных дверей, храп лошадей. Да еще и ворона, сидящая на заледеневшем клене в нескольких метрах от нас, раскаркалась. Я внимательно посмотрела на Тагашева. О созыве совета наслышана и я, но Николаю было не до моих назойливых вопросов, так что подробностей я не знала.

— С каких пор на совете обсуждаются такие мелочи? — удивилась я. — Думала, он созывается в связи с нападением Охотников.

— Нападение напрямую касается вас, — ответил Елизар. — Погибли две студентки. Хранителям света нужны дополнительные силы, и практика должна бы продолжиться. Многие из советников считают, что старший курс не только способен помочь, но должен набираться опыта в боях. — Тут Тагашев поморщился, словно сама эта мысль вызывала в нем недовольство. — Директор не хочет рисковать, но большинство Хранителей поддерживают советников. Возникли противоречия, и только поэтому вопрос вынесли на повестку дня.

— А как же Николай? Разве он не может повлиять на решение? — Я разглядывала наставника. Не сомневаюсь, что он в числе тех, кто против продолжения нашей практики. Его тон и выражение лица лишь убедили меня в этом. Подозреваю, что Макс с ним был бы солидарен в данном вопросе.

Елизар отрицательно покачал головой:

— Если советники и Хранители окажутся в большинстве, то Вязин и Фомин должны будут смириться.

— Я вижу, ты хорошо осведомлен, — словно напомнив о себе, внезапно подал голос Макс. — Только хотелось бы знать, с каких пор ты участвуешь в совете? — будто случайно добавил он. — Начал считать себя одним из нас? Или возомнил себя оборотнем? — В интонации парня проскользнули вкрадчивые нотки.

Не в силах поверить, что Макс мог такое сказать, я резко повернулась к нему. Ждала от Макса чего угодно, но не таких провокаций. Это же открытая враждебность! Да что с ним такое? И это благодарность за спасение? Ведь мы оба обязаны Тагашеву жизнью! Я тут же виновато взглянула на Елизара,

но на его лице появилась откровенная насмешка. Смотрел он не на меня, а на Фадеева.

— Вроде того. Только трансформироваться не умею. Но, может, это и к счастью? Запах некоторых волков не переносю, — бесстрастно сыронизировал он, слегка выделив слово «некоторых». Хотя и так понятно, что имел в виду Макса.

— Лучше оборачиваться волком, чем принадлежать к клану убийц! — лязгнул зубами мой спутник.

Между парнями словно электрический разряд пробежал. Опасность, исходящая от двух вампиров, чувствовалась на расстоянии. Это ощутила не только я: стяхивая снег с заснеженной живой изгороди, стайка испуганных воробьев взвилась вверх и скрылась в лабиринте тренировочных площадок.

— Макс, мы должны идти. — Оглядываясь вокруг и желая убедиться, что этот разговор никто не услышал, я потянула парня в сторону академии. Ага, как же — грузовик сдвинуть легче.

Мои метания парни проигнорировали. Миг, и лицо Елизара стало серьезным. Взгляд прожег Макса насквозь.

— Только не говори, что ты не знал о совете! Ты присутствуешь там, так же как и все Хранители. Или это повод и у тебя есть другие вопросы? — Тагашев изогнул смоляную бровь.

— Макс, нам пора! — уже твердо напомнила я и снова дернулась вбок.

Тщетно. Тиски, сжимающие мою ладонь, сжались крепче.

Поведение этих двоих причиняло боль, но они словно не слышали меня. Зато начали привлекать внимание окружающих. Курносый, с россыпью веснушек на носу Хранитель громко поздоровался, замедлил шаг и начал усиленно вытягивать шею. Заметив настороженность верлафа, Елизар плотно сжал челюсти, но Макс рыжеволосого оборотня словно не заметил.

— Вопросов у меня к тебе действительно много. — Фадеев кивнул. — Мучают мысли о пришествии Охотников. Странно, что они начали проявлять к нам интерес одновременно с твоим появлением в клане. А их страх и холопское раболепие при твоём приближении и вовсе ставят в тупик, — наигранно задумчиво произнес Макс. Правда, голос не повысил, навер-

ное, все же не хотел, чтобы его услышали. — Да и с нападением на лабораторию не все понятно. Я был ранен, но, перед тем как отключиться, кое-что слышал. Умоляя о пощаде, несколько Охотников назвали тебя по имени! — Испытующе глядя на Тагашева, Макс сузил глаза. — Несколько необычно, не находишь?

Елизар побледнел. Фадеев удовлетворенно хмыкнул, а я даже вдохнуть боялась. Проницательность Макса едва не свалила с ног. Он всегда подозревал Елизара. Безусловно, Тагашева знают все Охотники, ведь на протяжении пяти лет они подчинялись ему. Николаю Вязину это известно, и он полностью доверяет Елизару. Но не факт, что другие верлафы, узнав правду, не возненавидят мракаура и не обвинят в нападении, хотя его вины в этом нет.

— Перестань, Макс! — Я почувствовала, что голос охрип.

Но, похоже, остановить парней в данный момент не смог бы даже мой обморок.

Тагашев наклонился, почти касаясь лица Фадеева:

— Если ты забыл, то могу напомнить, что я мракаур и вырос среди них. Я действительно их знал! А если есть подозрения, доложи обо мне Николаю! Думаю, он найдет что тебе ответить!

Фадеев напрягся. К счастью, шум топил голоса, и только я стала свидетелем этого диалога. Но и один вид собеседников мог привлечь внимание.

— Это самое удивительное! Вязин доверяет тебе и советуется во всем. — Макс передернул широченными плечами. — Оснований сомневаться у меня вроде бы нет. Но...

Елизар вскинул подбородок. Продолжить он не позволил:

— Обвинить не в чем, тогда зачем этот цирк?

— Прекратите оба! — взмолилась я.

Макс покосился на меня. Его зубы скрипнули.

— Хорошо, я скажу по-другому, мракаур! Что-то подсказывает, что ты о-очень темная лошадка, — протянул Макс. — Только по причине того, что обязан тебе жизнью, я не стану трепаться. Но будь уверен, разгрести это дерьмо и докопаться до истины все же попытаюсь! И еще хочу предупредить. Держись подальше от моей девушки! — Он многозначительно посмотрел на цепочку на мощной шее Тагашева.

Лицо Елизара вновь накрыла непроницаемая маска. Ста-

раясь прекратить ссору, я в очередной раз потянула Фадеева к дорожке, но не сдвинула ни на шаг. Умоляюще посмотрела на наставника, но он лишь задержал взгляд на моей ладони, стиснутой Максом, и заговорил:

— Не забывай, что Злата — моя ученица. Пересекаться нам с ней придется, хочешь ты того или нет! И пальцы разожми. Боюсь, еще немного, и она завершит от боли. — В темных, как грозовые тучи, глазах Елизара разве что молнии не сверкнули. — Кстати, устраивать истерику при ней было необязательно. Если появятся еще вопросы, просто подойди! До встречи, маленькая дикая кошка, — попрощался он со мной. Затем повернулся и быстро пошел прочь.

И только теперь Макс спохватился, словно лишь сейчас вспомнив, что я рядом. Разжав стальной капкан, виновато посмотрел на меня.

— Извини. — Он вздохнул и осторожно начал разминать мою затекшую кисть.

Понять, за что он извинился, было сложно. За то, что мои пальцы посинели? Или за то, что нагрубил Елизару? Да и грубостью это не назовешь. Скорее уж холодная вражда, которая начала застаревать, огрубевать и переходить все допустимые границы. Мне показалось, я разламываюсь на части. Как растопить лед? Как заставить их примириться? Ведь им не нужно ссориться из-за меня. Чувствуя себя хуже некуда, я приглушенно вздохнула.

— Прости, я не должен был затевать этот разговор при тебе, — виновато прошептал Макс.

Он обнял меня и ненадолго притянул к себе, а затем увлек за собой в сторону академии.

Глава 2 ПРОЩАНИЕ

Двор гудел, как растревоженный улей. Несмотря на солнце, началась набольшая поземка. Холодя кожу, мелкие льдинки кололи щеки, запутывались в волосах. По расчищенной от снега брусчатке ветер, как сахарную пудру, нес снежинки. Мы с Максом миновали скрытую за кустами парковку справа и слились с пестрой толпой, спешащей по длин-

ной широкой дорожке, обрамленной склоняющимися деревьями. Знакомых лиц почти нет. Все эти оборотни — представители других семей, ответвлений нашего клана верлафов, приехавшие на церемонию прощания. И конечно, каждый представитель имеет свою трансформацию, то есть образ крупного хищника, в которого он может оборачиваться. Немало верлафов в экзотических одеждах: тюрбаны, темные плащи, стянутые серебряными пряжками под шейей. Их длинные полы распахиваются при движении. Два мулата привлекли особое внимание. Высокие и статные даже в облике вампиров, в движениях читаются кошачьи повадки. На груди парней — массивные серебряные цепи с прямоугольными, с мою ладонь, табличками, испещренными странными письменами. Интересно, что это? Непременный траурный атрибут, принятый в их семействе? В сочетании со строгими костюмами, клетчатыми шарфами и волосами до плеч серебряные пластины смотрятся более чем странно.

Экзотическая пара заставила отвлечься от ссоры Елизара и Макса. Если не ошибаюсь, двое мулатов были на балу Хранителей света и даже познакомились с Максом.

— Кто они? — Я кивнула в сторону незнакомцев.

Проследив за моим взглядом, Макс ответил не сразу. Наверное, его мысли блуждали далеко. То ли об Аркадии думает, то ли о стычке с Елизаром.

— Оборотни с трансформацией леопардов. Они называют себя анито, — рассеянно пояснил мой спутник. — Тот, что повыше, — советник, возглавляющий семью леопардов, а другой — его брат.

Мулаты скрылись за спинами прочих верлафов, и я посмотрела немного правее. На прилегающей дорожке появился пятнадцатилетний Павел Самохин с родителями. Парень из моей группы, мой друг. Ранняя трансформация волка (что характерно для оборотней, живущих в нашем городке) и огромный рост позволили ему учиться на старшем курсе. Заметив нас, Самохин приостановился.

— Макс, Злата, привет! — Глядя на меня сверху вниз, он обменялся рукопожатием с Максом.

Надо же, потертых джинсов и кроссовок с высунутыми языками на нем сегодня нет. Строгий костюм и отсутствие извечных наушников делают его старше.

— Мелкий, завтра тренировка, — ткнув Павла пальцем в грудь, с ходу предупредил Макс, но взгляд его излучал тепло.

— Не представляешь, как я рад, что ты в порядке! И по тренировкам соскучился! — пробасил подросток. Заметив, что сильно отстал от родителей, он извинился и бросился за ними.

Кончики моих губ едва заметно приподнялись. «Мелкий», — мысленно повторила я. Оба парня под метр девяносто. Да и в ширине плеч Павел не сильно уступает Фадееву. Самохин всегда восхищался моим спутником, а его личным наставником Макс стал благодаря мне.

— Такое впечатление, что съехался весь клан, — отвлек меня от этих мыслей звонкий девичий голос.

Я повернулась. Хрупкая Кира, размахивающая крошечной сумочкой, и высокий Роман Самойлов, бережно поддерживающий свою девушку, поравнялись с нами. Радость мгновенно согрела душу. Самойлов — мой однокашник и друг с детских лет, а Кира — подружка, в отличие от меня выбравшая стезю не Хранителя, а биохимика. Порыв ветра взметнул ее вьющиеся светлые волосы, сбегаящие до пояса.

— По паре представителей от каждой семьи и советники, не больше, — ответил на замечание Киры Роман. — Злата, о практике что-нибудь знаешь? — Глаза цвета горького шоколада вопросительно уставились на меня.

— Сегодня решится, и надеюсь, не в вашу пользу, — недовольно вмешался Макс.

Роман взъерошил короткие каштановые прядки, но промолчал: очевидно, понял, что настроение моего парня ниже невысоких бордюров.

— Николай и Ирина еще не зашли. — Обращаясь ко мне, Фадеев кивнул в сторону входа.

Мама и Николай действительно стояли возле накрытых снежными шапками кустов самшита — справа от широких ступеней, ведущих к дубовым двустворчатым дверям. Главу клана окружили несколько мужчин. Если не ошибаюсь, советники. «Спор там серьезный», — мгновенно поняла я. Наверное, поэтому они до сих пор и не в зале. Верлаф с внешностью типичного скандинава что-то упорно доказывал Вязину. Оба анито, которых я видела, будто не соглашаясь со

светловолосым гигантом, переглянулись и отрицательно покачали головой. «Может, и они спорят о практике?» — подумала я.

Дождавшись Николая и Ирину, в здание академии мы ступили только минут через десять. Верлафов в огромном холле еще больше, чем на улице. Едва мы вошли, нас обдало волной духоты. Появление главы клана, как всегда, вызвало шепот. Толпа расступилась. Я обратила внимание, что многие смотрят и на меня. Но особо не удивилась: естественно, все уже знают, что произошло во время нападения. И если раньше моя трансформация поражала, но особо никого не беспокоила, то теперь верлафы глядели настороженно. Я смешалась. Вцепившись в локоть Макса, потупилась. Ускоряя шаги, ноги задвигались быстрее, но шепота, который боялась услышать, избежать не удалось.

— ...частичная трансформация, — послышался шелест справа.

— ...она предупредила о нападении... отличается от всех... откуда такие способности?..

— ...такого оборотня не было никогда, в ее сознание проникает враг Виктора Коншина, таинственная девушка-вампир...

— ...чувствует телекинетическую энергию мракауrow на расстоянии... цвет глаз меняется... — доносилось до моих ушей.

«Да уж», — мысленно согласилась я. Странностей хоть отбавляй. Впору блокнотик завести и вписывать каждую. А то вдруг что-то забуду. Прислушиваясь к голосам, я сосредоточенно разглядывала носки своих замшевых сапог. Осуждать настороженность верлафов я не вправе. Любой был бы изумлен. Ведь в ночь нападения таинственная девушка-вампир, которую мы начали считать своим союзником, проникла в мое сознание, послала видение, предупредив о появлении Охотников. Да и во всем остальном верлафы не преувеличивают. И как бы я не желала быть похожей на остальных, от правды никуда не денешься... Пантера-одиночка с ворохом необычных способностей в стае волков. Единственное, что я могу, — смириться.

Не задерживаясь, мы вошли в огромный конференц-зал, напоминающий амфитеатр. Сегодня кованые люстры слепи-

ли собравшихся тысячей электрических свечей. Даже цветных витражей со сценами сражений сейчас не различить. Несмотря на высоту четырех этажей и огромную вместительность, зал не мог принять всех желающих. Верлафы сидели на каменных скамьях с мягкими спинками, отделанными тонкой вязью неяркой позолоты, стояли в проходах, подпирали стены. От духоты, запаха роз и скорбного шепота, который сливался в монотонный жужжащий гул, сжало виски. Взгляд мгновенно, словно намагниченный, метнулся к большой овальной арене.

Сначала показалось, что она засыпана снегом, и лишь потом я поняла, что это розы. Сотни... нет, тысячи белых роз. Я знаю этот ослепительно белый сорт — английская «Клэр Окян», источающая сильный запах мирры и ванили. Часть стены за ареной и весь пол будто задрапированы цветочными головками. На нежном покрывале из живых цветов возвышаются невысокие каменные подставки в форме волков — скорее скульптуры, чем постаменты. Но не они приковали внимание, а лежащие на них небольшие серебряные щиты с маленьким урнами. Ровно тридцать, и что-то подсказывало — они пусты. В ту ночь шел снег и вряд ли пепел разорванных и сожженных оборотней был собран.

Все, что осталось от Хранителей, — урны с небольшими табличками. На каждой — имя, эмблема в виде серебряного «Щита и клинка» и главная аксиома Хранителей: «Сила, скорость, жизнь!»

Мы шли вдоль выставленных полукругом постаментов, замедлялись, возлагали розы, продвигались дальше. Ирина всхлипывала, Николай молчал. Таблички мелькали одна за другой. Некоторые имена я не знала, но многие были мне знакомы очень хорошо. Ева и Ксения — две девушки из параллельной группы. Они находились на балу. Как они погибли? Наверное, ответ на этот вопрос один: они бросились на помощь другим Хранителям, как и все, но к сражению с Охотниками не были готовы.

Возле последнего щита мы с Максом задержались надолго. Аркадий Назаров — лучший друг Макса. Лицо Фадеева стало белым. Губы задрожали, а скулы напряглись так, что казалось — не выдержат давления и сломаются. Он молчал. Через несколько минут бережно коснулся серебряной повер-

хности щита, затем резко развернулся и поспешил прочь, будто убегая от страшной действительности.

Увы, уйти далеко не удалось: наши места — рядом с главой клана в первом ряду. И если в торжественные дни близость к арене давала преимущества, то сейчас я бы с удовольствием расположилась где-нибудь в районе четвертого этажа. Пришлось сесть рядом с Ириной. Сам Николай задержался рядом с директором академии. Тот был в неизменном коричневом костюме. Мужчины стояли поодаль и что-то напряженно обсуждали.

— Их будут награждать. — Глядя в правую часть арены, Ирина утерла вновь набежавшие слезы.

Короткие золотистые прядки мамы уложены в идеальную прическу. Лицо с тонкими чертами, высокими скулами и полными губами просвечивает бледностью. Мы похожи, как родные сестры, правда, волосы у меня длинные и черные, а глаза не серые, а меняющиеся в зависимости от настроения. Мама расстроена и нахмурена. О чем она думает? Может, о том, что почти восемнадцать лет назад была на похожей церемонии прощания? Тогда в схватке с мракаурами погибли мой отец и другие верлафы.

Я только теперь заметила знакомую каменную трибуну в форме волчьей лапы и узкий каменный стол, заставленный тридцатью серебряными статуэтками, отражающими свет свечей. «Щиты и клинки» — почетная и вожделенная награда для всех Хранителей света, но эти будут не вручены, а всего лишь присвоены посмертно. И переместятся не на домашние полки, а в общий зал Хранителей света.

— Всего лишь металл. — В голосе Макса, сидящего слева от меня, сквозило презрение. — Ни одна награда не стоит жизни и ни одна из них не спасет от нового нападения Охотников.

К счастью, слова Макса об Охотниках мама не расслышала, а я накрыла его ладонь своей, хотя вряд ли так можно сказать — его рука в два раза больше.

— В тебе говорит боль, Макс. — Я перебирала теплые пальцы. — У тебя наград уже восемь, и за каждой из них таится не одна спасенная человеческая жизнь.

— Но только не за этими! — отрубил Фадеев. Он наблюдал за вереницей оборотней,двигающихся вдоль постамен-

тов с урнами. — В ночь нападения мы сражались не за жизни людей...

— ...а за клан оборотней! — закончила я за него. — Разве это не достойно награды? Люди, не считая доноров, никогда не подозревали о нашем существовании, но наши миры всегда были тесно переплетены. Мы оберегаем их от мракауров. Без нас людских смертей стало бы намного больше!

— Студентка пытается учить опытного Хранителя света? — смягчился Фадеев.

— Всего лишь старается поддержать, — чуть улыбнулась я и вновь повернулась к арене.

Глава клана неторопливо занял место за трибуной, и церемония прощания началась. Призывать кого-то к тишине не требовалось. В зале мгновенно воцарилось безмолвие.

— Говорить в таких случаях всегда очень сложно, — негромко произнес Николай. — Сегодня мы собрались, чтобы почтить память всех, кто был уничтожен в сражении с Охотниками. Двадцать восемь лучших Хранителей света и две студентки, которые не уступили своим наставникам ни в смелости, ни в самоотверженности, ни в желании противостоять злу.

Оглядев зал, Николай принялся перечислять фамилии, и лишь теперь стал слышен сдавленный плач, доносящийся, казалось, отовсюду. Ирина судорожно сжала платочек и спрятала в нем нос. Видеть слезы и слушать прощальные речи не было сил. Я устала на колени, стараясь отключиться от реальности. К счастью, это удалось. Через несколько минут Николая сменил кто-то из советников, затем еще один. От спертого воздуха кружилась голова. Что-то говорил директор академии Фомин, снова выступали советники, затем родственники. Через час перед глазами поплыл мутный, кисельный туман, и прикладывать усилия, чтобы не вслушиваться, больше не приходилось. Действо превратилось в пантомиму, но так было лишь до тех пор, пока Хранители света не начали прощаться на языке волков. Окружив арену, тридцать Хранителей, по количеству погибших, трансформировались. Огромные разномастные волки подняли голову и завывали. От их воя стыла кровь. Страшное рыдание многоголовым эхом разнеслось по залу. Звук был настолько мощный, что задрожали стекла витражей. В районе затылка пробежа-

ла ледяная дорожка. Подавшись вперед, я вцепилась в подлокотники кресла. Знаю, что оплакивающий вой — старый обычай верлафов, но слышать его мне не приходилось. Оглушив собравшихся, вой вибрировал и вибрировал и лишь минуту спустя растворился под потолком четвертого этажа.

На этом прощание завершилось. Следующим этапом было захоронение. Каждый щит с урной подняли по два Хранителя и, двигаясь один за другим, осторожно перенесли в катафалк. Шестеро верлафов повели лошадой немного впереди траурной машины. А следом за ней шли Хранители света в костюмах для трансформации. Живая река из оборотней выстроилась следом. Отдавая дань древнему ритуалу, идти предстояло пешком.

Повиснув на Максе, я уныло тащилась рядом, жалея, что не надела шубу. Холодный ветер проникал под пальто, пронизывая до костей. Ноги, обтянутые тонким капроном, казалось, покрылись стягивающим, царапающим кожу слоем льда. Юбка до колен совсем не спасала. Высокие шпильки сапог то и дело проваливались в снег.

Небольшое кладбище верлафов располагалось на другом конце городка, который мы называем Вербь. Всего лишь маленькие, светлые, немногочисленные могильные камни, скрытые среди высоких раскидистых дубов, елок и кустов, покрытых мягкими снежными шапками. Верлафы погибают редко. Даты, выгравированные на камнях, могли бы удивить постороннего зрителя, но не оборотня: триста, шестьсот и даже тысяча лет жизни. Скорее всего летом здесь все утопает в зелени, пестреет яркими клумбами, но сейчас пейзаж выглядел безжизненным, застывшим и унылым.

Процессия остановилась. Теперь урны были перенесены на узкий каменный стол, специально воздвигнутый для церемонии. Чуть левее разверзла недра небольшая общая могила. Плотной стеной верлафы обступили последнее пристанище погибших. В огромной толпе я разглядела хрупкую, сгорбленную, похожую на тень фигурку Натальи Разиной. Она не плакала: выцветшие, как засохшая трава, зеленые глаза были безжизненными, невидящими. Похоже, девушка погибшего Аркадия не реагировала ни на что. Макс тоже заметил ее. Оставив меня, он подошел к Наталье, что-то сказал, но она не услышала и не увидела его. Необъятные плечи Макса подня-

лись и опустились: он тяжело вздохнул. Обняв ее за предплечья, прижал к себе. Девушка лишь качнулась и, словно стойкий стебелек, нагнутый порывом ветра, выпрямилась. Ей не нужна была поддержка — раздавленная горем, она не воспринимала ее. Боюсь, понадобится слишком много времени, чтобы грубыми нитками примирения с действительностью хотя бы стянуть края душевных ран.

С грустью взглянув на Наталью, Фадеев вернулся ко мне. Ветер усилился. Крошечные снежинки обжигали щеки. Елизаара, Марка и Альбину я не видела, но отчетливо чувствовала их присутствие. Дрожь от холода, прижалась к Максусу, молчаливо наблюдая, как урны опускают в могилу.

Глядя на подмерзшие пласты земли, я и сама будто застыла. Чернеющий грунт заставил задуматься о таинственной и очень мощной защите нашего города. «Возможно, где-то здесь, под землей, на территории нашего городка скрыт предмет: плоский, серебристый, с надписью — мне его показала в видении девушка-вампир», — задумалась я. Маленький предмет, который, вероятно, является хранилищем могущественной защиты, не пропускающей мракауров на территорию нашего города, и без него могил будет больше, намного больше. Что это за предмет? Почему он наделен такой силой? И откуда о нем знает Виктор Коншин, если о нем даже не догадывались верлафы? Откуда о нем известно девушке из видения? Кто она и почему теперь не появляется? Больше не чувствует угрозы? Глупо так думать. Виктор не отступит.

Вопросы возникали один за другим. Почему Коншин думает, что наш биохимик может создать генетическое оружие против верлафов, если сам ученый уверен, что его создать нельзя? Что это за оружие? Что ожидает клан оборотней в будущем? Где найти ответы на вопросы, если даже не знаешь, о чем идет речь?! Сплошные тайны. И что-то подсказывает: ключи от каждой из них скрыты в непроглядном, извилистом лабиринте, усеянном острыми, ядовитыми терниями и полным чудовищ, имя которым — Охотники Виктора Коншина. Вампиры-мракауры. Их телекинез, подобно страшному торнадо, сметает все на своем пути. Их способность к левитации позволяет оборотню приблизиться к ним лишь непосредственно в миг атаки мракаура, а мощные телекинетические щиты можно уничтожить лишь серебряными

когтями, но это сложно. Единственное понятно: Виктор Коншин и его Охотники не оставят нас в покое. Ему по-прежнему нужен лучший биохимик верлафов — Лев Колесников, Елизар и предмет, в который якобы заключена защита города.

— Пойдем? — Голос Макса заставил очнуться.

Я рассеянно осмотрела небольшой холмик, теперь покрытый белыми розами, мгновенно остекленевшими на морозе. Захоронение окончено. Тихо переговариваясь, верлафы начали расходиться.

— Да, Макс, пойдем. — Я покорно последовала за ним.

Идти назад пешком не пришлось. Несколько охранников Вязина предусмотрительно подогнали машины и ждали нас за воротами кладбища.

— Я заеду после совета, забияка, — пообещал Фадеев уже на подъездной дорожке возле моего дома.

Поцеловав его в щеку, я поднялась на крыльцо. Обжигающий чай с листиками мяты и уютное тепло дома согрели, но мысли о таинственном щите клана из головы не выходили. Найти бы хоть какие-то ниточки. Может, стоит более внимательно полистать учебник истории?

Глава 3 РЕВНОСТЬ

Красноватый, с неяркими бликами закат быстро выцветал, сменяясь по-зимнему тусклыми сумерками, а затем и непроглядными чернилами приходящей ночи. Забравшись с ногами в глубокое светлое кресло, я листала толстый учебник по истории вампиров. Шуршала оберткой от шоколадки и скрупулезно изучала страницы, стараясь извлечь хоть какую-то полезную информацию. Разыскивала что-нибудь о защите клана: событие, в котором участвовал предмет, сражение, столкновение с мракаурами или малейшее упоминание о чем-то, наделенном таинственной силой. Но не находила ничего. Такое впечатление, что здесь содержатся сведения только о схватках за жизнь смертных. Хотя попадались и необычные события: давние, запыленные толстыми слоями времени, забытые, но тем не менее интересные. В конце учебника мое внимание привлекло одно из них, датированное

двенадцатым веком. Нет, в нем не было упоминаний о предмете, мне просто понравился заголовок. Разжевывая очередной кусочек шоколада, я начала читать «Предание о крепости Ветров»...

Прекрасна и бела, как слоновая кость, была крепость Ветров на вершине скалы. Длинными переходами пять увенчанных зубцами башен соединялись с огромной, неприступной цитаделью. Стояла твердыня на страже двух людских городов и даже не подозревала, что сама она находится на стыке двух иных миров. К югу — граница территории мракауров, охваченных жаждой людской крови. К западу, далеко за рекой Белой, — поселение верлафов.

В лунную ночь, когда небо было похоже на синий бархат, расшитый бриллиантами звезд, а башни над крепостью казались хрустальными, патруль оборотней подошел к реке. Увидели верлафы над крепостью яркие всполохи огня и поняли, что на крепость напали мракауры. Семеро Хранителей, возглавляемые Глебом Дерзким, подняли тревогу и бросились на защиту смертных. Словно темные, яростные тени, ворвались оборотни в распахнутые ворота и... остановились. Крепость, объятая огнем, была пуста. Нет растерзанных или обескровленных тел, не видно врагов. Во внутреннем дворе в кучу свалено оружие. Мечи, клинки, топоры поблескивают в свете зарниц подбирающегося к цитадели огня, лижущего белые камни. Принюхались оборотни, но не почувствовали тонкого, чуть терпкого запаха убийц. Начали волки обыскивать крепость. Глубокие подвалы не разграблены, а по-прежнему заполнены бесценными товарами, брошены вещи, но нет людей. И лишь неподалеку от вместительных кладовых почувствовали волки человека. За сложенными мешками с пшеницей нашел Глеб убитую сединами смертную. Спряталась. Сжалась на каменном полу.

Верлаф подошел к ней и осторожно поднял дрожащее, высохшее, сморщенное за старостью лет, как печеное яблоко, тело. «Что здесь произошло?» — спросил он. Трясаясь от беззвучных рыданий, женщина прижалась к верлафу. «Черно-книжники, — едва выговорила она. — Копья ломались, не достигая цели. Мечи выпрыгивали из рук и валились в кучу, стрелы замирали на лету как зачарованные. Закованные в тяжелые латы, черные дьяволы летали, опускались с высоты,

сгоняли народ, как скот, и искали кого-то! Выкрикивали иноземное имя... — По сухоньким щекам побежали слезы. — Атрэм...» — чуть слышно добавила она, но договорить не успела. Взглянув на Глеба, женщина упала замертво. Не выдержало человеческое сердце пережитого страха.

Горела крепость. Покрылись некогда белые камни черными адскими узорами. В огнедышащем жерле пламени потрескались стены. Рухнули красивые башни опустевшей крепости. Шли верлафы по запаху плененных людей до самой границы мракауров. Глеб хотел настигнуть врагов, но бесследно исчез. Смертные же решили, что на крепость напали кочевники...

От длительного сидения на одном месте ноги затекли. Я разжевала последний кусочек шоколадки и смяла в кулаке пустую обертку. Перекинув ноги через подлокотник кресла, устроилась поудобнее. Глядя на изображение светловолосого верлафа в учебнике, вспомнила, что видела портрет Глеба Дерзкого в зале Хранителей света.

Я задумалась. Еще несколько месяцев назад ушедшие в далекое прошлое события поставили бы в тупик. Но не сейчас. Эту тему мы еще не проходили, но и так все ясно. Я даже представила, какие вопросы будет задавать господин Вяземский после урока по этому преданию.

Сознание нарисовало вечно бубнящего, навевающего сонливость одним своим видом преподавателя «Истории вампиров» — столетнего верлафа с темными усами. Скорее всего, он попросит дать объяснение нападению мракауров. Но разьяснять нечего. Крепость находилась на границе одной из семей верлафов. На нее напали мракауры с сильным уровнем телекинеза и способностью к левитации. Можно сказать, родители или прародители нынешних Охотников Виктора, и только поэтому оборотни не почувствовали их запах. Возможно, некоторые из тех мракауров действительно стали впоследствии Охотниками. Людей, живущих в крепости, вампиры захватили, чтобы обеспечить запас крови, а группа самого Глеба была уничтожена в схватке. Конечно, в глазах смертной, не знающей о мире вампиров и телекинеза, напавшие выглядели порождением тьмы, но ошиблась она не сильно. Интересно, что в то время мракауры щеголяли в железных доспехах. А вот Хранителям приходилось сложнее.

Костюмы для трансформации были придуманы гораздо позже, так же как «стиратель памяти» и «стиратель крови». Хотя из урока биохимии я знала: в двенадцатом веке уже существовал прототип современного «стирателя памяти» — иглы акации, пропитанные составом трав, вызывающим провалы в памяти.

Наклонив голову, я пальцем рисовала воздушные узоры на слегка шероховатой поверхности страницы. Кого могли разыскивать мракауры? Носителя иноземного имени Атрэм? Странное имя. Да и имя ли вообще? Пояснений в учебнике нет.

Поднявшись с кресла, я пересекла комнату и включила компьютер. Помедлив, монитор зажегся привычным приветствием. Еще через несколько секунд пальцы набрали на клавиатуре «Атрэм». Но, как оказалось, с поисковиком сражалась я зря. Имени Атрэм не существовало, как и такого слова. Выключив компьютер, я вернулась в кресло. Событие необычное, имя тоже, но, увы, к защите нашего клана это не имеет никакого отношения. Ни одной зацепки о происхождении щита. Есть какие-то легенды, версии о метеоритах, однако ни одной правдоподобной. Девушка-вампир в моем видении показывала явно не метеорит. Найти бы эту таинственную незнакомку. Что-то подсказывает: она могла бы многое объяснить. Взглянув на учебник, я захлопнула его. Признавая свое поражение, слопала еще одну шоколадку.

Внизу приглушенно зазвенел звонок. Послышались легкие шаги Светланы, нашего донора. Затем донесся низкий голос Макса. Значит, совет закончился. Через пару минут лестница содрогнулась от «тихих» слоновьих шагов, а еще через секунду негромко постучали в дверь моей комнаты.

— Входи. Мог бы и не стучать.

— А если ты раздета? — Фадеев вошел в комнату и едва заметно улыбнулся. Но выглядит напряженным, хотя и старается это скрыть.

— Тогда по визгу ты поймешь, что заходить не стоило, — усмехнулась я.

Он приблизился к креслу и протянул неизменную плитку моего любимого шоколада.

— А как же слова «ни один парень обнять не сможет»? — поддразнила я, припомнив его давнюю реплику и покосив-

пись на смятые обертки на компьютерном столе. О моем пристрастии к гормону счастья Макс знает.

— Во-первых, руки у меня длинные и обнять тебя я сумею. А во-вторых, глядя на тебя, смело можно привезти грузовик сладкого лакомства, и он не повредит. Напрашиваешься на комплемент? — вкрадчиво спросил он.

— Нет, — довольно улыбнулась я.

Поднявшись, освободила его любимое место, собираясь пересест в вертящееся кресло за компьютерным столом, но Макс удержал меня и, усевшись, посадил себе на колени. Чуть полноватые теплые губы мгновенно накрыли мои.

Он соскучился и ждет взаимной нежности. Под натиском его губ мои раскрылись. Сердце затрепетало, болезненно съезжилось. Нет, поцелуй был, как всегда, нежным, но что-то внутри меня сопротивлялось. После признания Елизара с Максом я не целовалась, да и не до того было, но сейчас меня окутал сонм противоречивых чувств. Бессилие и горечь слились с тоской и разочарованием. Темные глаза возникли самостоятельно. Рука Макса обняла за талию, но в моем сознании слилась с другой рукой, о владельце которой думать нельзя. Прикрыв веки, я плотнее прильнула к Фадееву, стараясь выбросить мысли о Елизаре. Стало хуже. Воображение нарисовало лицо Тагашева: он начал обнимать, его губы целовали. От ярко представленного образа мысли помчались вскачь... Кончики пальцев заскользили по его груди. По телу разлилась сладостная истома. Невероятное чувство радости и наслаждения захлестнуло, накрыло с головой. Большая ладонь легла на ребра, высекая во мне искры дрожи. Медленно заскользила выше.

— Чем занималась? — прошептал он, начав прокладывать на моей шее дорожку из поцелуев. Губы мягкие, ласкающие.

Вопрос поставил в тупик. Я потерялась в ощущениях. На миг его рука задержалась под грудью. Я всхлипнула и только сейчас выплыла из темных омутов глаз Елизара. Двойственность, царящая в сознании, напугала. Я дернулась, пытаюсь вырваться, но парень удержал.

— Макс, я... — Глядя на него, запнулась. Хотела сказать «не могу», но замолкла на полуслове. Настороженный, обеспокоенный взгляд меня смутил. — Скучала, — сдавленно закончила я.

Да что со мной?! Чувство отвращения к себе подкатило к горлу. Как же низко по отношению к Максy. Такого обращения он не заслужил! Разозлившись на себя, я уже сознательно прильнула к широкой груди.

— Я тоже скучал, забияка, — хрипло прошептал он.

Его рука переместилась на мое плечо, начав играть с лямкой топа. Пальцы проникли под тоненькую ткань, коснулись кожи. Губы вновь приникли к моим, но стали более взыскательными. Обняв его за шею, я зарылась в густые, жесткие волосы пальцами. Грудная клетка Макса вздымалась под натиском громко стучащего сердца. Поцелуй стал жарким, обжигающим.

Минуту спустя парень отстранился.

— Тебе нравятся мои поцелуи. — Он не спросил, а скорее констатировал факт, внимательно вглядываясь в мое лицо. — Ты... — Макс запнулся и замолчал.

Смотрит странно, словно чего-то ожидает. Неужели признания? «...любишь меня», — мысленно закончила я за него и опустила голову, потому что поняла, что права. «Почему он заговорил об этом?» — пронеслась мысль. И что ответить? Кажется, что может быть проще — сказать всего одно предложение, чтобы осчастливить его. Дать то, чего он так ждет, и ложью это не будет. Но горло внезапно перехватило.

— Да, — ослабшим от ласк голосом ответила я.

Щеки налились прилившей кровью, потому что ответ прозвучал двойственно. Произнести желанных им слов я не смогла. Но, похоже, его удовлетворил и односложный ответ. Он с нежностью очертил мне скулу. Его лицо выражало сразу несколько чувств: привычные тепло, любовь, но одновременно с этим что-то новое. Удовлетворение? Кажется, не ошиблась: весь его вид говорит об этом. Чувствуя себя омерзительнее некуда, я торопливо прикрыла ресницы. Не солгала, но и откровением это не назовешь.

— Читала? — Фадеев заметил учебник, лежащий рядом с креслом.

Стараясь сгладить неловкость, я поднялась, подобрала с пола книгу, положила на компьютерный стол и села в вертящееся кресло.

— Искала что-нибудь о защите нашего клана. Естественно, ничего не нашла. Что было на совете? — сменила я тему.

Еще секунду назад Фадеев выглядел спокойным, но сейчас не выдержал моего взгляда. Отвернулся, уставившись на панель выключенного телевизора на стене.

— Принято решение начать строительство небольшой лаборатории для Колесникова под защитой клана, — наконец сказал он. — Еще поднимался вопрос о таинственной девушке-вампире. Ее будут искать. Хотя, возможно, она сама даст о себе знать.

Удивленно глядя на Макса, я моргнула. Ни о строительстве второй лаборатории, ни о том, что Николай намерен разыскать девушку-вампира, я не слышала. Но ошеломило не известие, а тон Фадеева. Да и узнать я хотела не о девушке, а о практике. Хотя последняя реплика мне не понравилась. «Даст о себе знать», — мысленно повторила я и поежилась. Надеюсь, она это сделает, не вторгаясь в мою голову. Найти ее хочется, а вот терпеть в своем сознании — как-то не очень. Боль от ее вторжения просто кошмарна!

— А практика? — покачивая тапкой, напомнила я.

Лицо Макса застыло, подобно камню. Кажется, вопрос ему не по душе.

— Продолжится, — буркнул он. — Еще две недели вы будете патрулировать мегаполис с Хранителями света. — Внезапно Макс разозлился. Перемена была настолько быстрой, что я растерялась. — Даже Фомин не смог помешать этому безумию! — горячо выдохнул он. — Советники и половина Хранителей не хотят думать о том, что Охотники появятся в любой момент и вы подвергнетесь опасности. Злата, ты должна уйти из академии. Займись живописью, тебе ведь это нравится! — Макс встал, в три стремительных шага пересек комнату и положил руки мне на плечи.

— Ты шутишь? — Я вскинула бровь и неожиданно для себя развеселилась. — Весь клан думает о том, как противостоять Виктору Коншину, а я все свое время буду хобби посвящать, — хмыкнула я. — Вдруг получится нечто оригинальное и своим талантом я напугаю Охотников до самосожжения.

— Я не шучу, Злата. — Макс едва зубами не скрипнул. — Ты знаешь, я никогда не хотел, чтобы ты была Хранителем. Ты едва не погибла! Я не желаю остаться в одиночестве, как Наталья. Не хочу оплакивать девушку, которую люблю!

Я ничуть не смутилась. Ему действительно никогда не нравилось, что я учусь в академии. Разумеется, он переживает, учитывая последние события. Но ведь он и сам Хранитель, должен понимать! Только не понимает. Да что с ним такое? Я пыталась найти ответы на его лице. Злитесь, но напрасно: ведь давно знает, что это не поможет.

Выбросив когти, я посмотрела на Фадеева кошачьими желто-зелеными глазами, давая понять, что в первую очередь я — верлаф. Сильный оборотень! И это не уровень самооценки — так написано в моем личном деле. «Наставник — Елизар Тагашев, мракаур. Разрешение на личного тренера одобрено главой клана Николаем Вязиным. Занятия проводятся по специальной программе, разработанной наставником. Цель программы — уничтожение Охотников. За короткое время достигла отличных результатов». Звучит веско, а из уст Фомина — и вовсе устрашающе. Я бы даже сильно поспорила, потому что сильной себя не чувствую, но Максу об этом знать необязательно. Мысленно хмыкнув, я очень осторожно провела когтями по его груди, едва касаясь темно-синей рубашки, под которой прощупывалась эластичная ткань костюма для трансформации. Наблюдая за мной, он не шевелился, но не от страха, а от ярости. Очевидно, тщательно борется с желанием сгрести меня в охапку и как следует надрать задницу. Вероятно, мой ответ он прогнозировал заранее. Однако меня это не остановило.

— Неужели ты думаешь, после всего, что произошло, я смогу быть в стороне? Я — Хранитель и навсегда останусь им, нравится тебе это или нет! — спрятав когти, невозмутимо заявила я.

Последующие слова, произнесенные Фадеевым, пришлось пропустить мимо ушей. Обычно так выражаются парни, со всей силы опустившие лом не на землю, а себе на ногу. Правда, Максу пришлось бы уронить что-то более основательное, нежели лом, но смысл от этого не изменился бы. Как правило, при мне он не ругается, но в данный момент реакция оказалась бурной. Не выдержав, я все же рассмеялась, чем заставила его покраснеть до самой шеи. Мой смех разрядил накал страстей, полыхающих в парне. Опустившись на корточки, он присел перед креслом и положил голову мне на колени. Теплая щека потерлась о мою ладонь.

— Давненько ты не выводила меня из себя. И все равно я никогда не смирюсь! Но ты ведь упрямая.

Я довольно улыбнулась и запустила ноготки в волосы, приводя Фадеева в состояние мурчащего котенка.

— Не злись! Практика продлится всего лишь две недели, а после нападения Охотников другие вампиры словно обходят нашу территорию стороной. Да и вы с Елизаром, как обычно, будете сопровождать меня. Ничего не изменилось.

А вот это я сказала, похоже, напрасно. Макс вскинул голову. В синих глазах появилось что-то необъяснимое. Миг, и от котенка не осталось и следа. Стремительное перевоплощение парня в разъяренного оборотня заставило проглотить слюну.

— Елизар... — даже не процедил, а прорычал Макс. — Неужели все время нужно говорить о нем?!

Он поднялся и подошел к окну, чернеющему сгустившейся на улице темнотой. Не находя объяснения сменам его настроения, я поднялась и встала позади него.

— Что с тобой? — Обхватив широкие плечи, я прижалась.

— Ничего, — не поворачиваясь, мотнул головой Макс.

— Тогда откуда злость? Я никогда не видела тебя таким. — Кончики пальцев пробежали по его предплечьям. — И ты несправедлив к Елизару. Сегодня ты напрасно его обидел, если не сказать, что был невыносимо груб. Тебе не нужно ссориться с ним из-за меня!

Лучше бы я промолчала. Японский автомобиль и тот завелся бы медленнее. Фадеев повернулся так резко, что едва не сбил меня с ног. Точеные скулы покраснели, затем побелели. Я съежилась. Зажженное в синих глазах пламя ничего хорошего не предвещало.

— Считаешь, я несправедлив к нему? — горячо выдохнул он. — Поверь, я помню, чем обязан мракауру, вот только никогда не смогу простить твою любовь к нему, потому что слишком люблю тебя сам! — Фадеев сжал мои плечи с такой силой, словно пытался раздавить.

Жгущей плетью его слова обрушились на сознание. Дернувшись, я постаралась вырваться из цепких рук, но он не отпустил. Перехватив ладонью лицо и притянув меня к себе, Макс сжал мой подбородок и прижался к губам. Но теперь его поцелуй не был нежным — скорее собственническим.

Этим поцелуем он громко заявлял право на свою девушку, и я почувствовала его ожесточение, боль и ревность на своих устах. Ярость и грубость Макса напугали, сбили с толку. Он никогда не вел себя так по отношению ко мне. Только не он! Наверное, это и напугало больше всего. Вырвавшись, я смахнула ресницами выступившие слезы и попятилась. Спина коснулась легкой вуалевой шторы, уперлась в подоконник. Желваки парня ходили ходуном. Не в силах выдержать тяжелый взгляд, я бросилась к гардеробной, скорее машинально, чем задумываясь. Дверь распахнулась, пропуская внутрь. Единственное желание — избежать прожигающих глаз, занять руки и прийти в себя. Несколько вешалок с грохотом посыпались на пол. Не знаю, что Макс успел прочитать на моем лице, но он бросился ко мне и нежно прижал к себе.

— Злата, прости! Я вел себя как животное. — Он осторожно обвел пальцем мои припухшие губы. — Сегодня сам не свой, слишком много всего навалилось. Ты ведь не прогонишь меня, забияка? — Голос Макса внезапно сел. Он выглядел так подавленно, словно считал, будто я собираюсь выставить его за дверь.

Сквозь слезы я растерянно уставилась на него. С чего он взял? Одна мысль о том, что мы можем поссориться и его не будет рядом, вызвала дрожь. Внезапно я поняла, что судорожно сжимаю любимую пижаму со спящей совой на майке и надписью «Z-Z-Z» на брючках. «Какая же я дура!» — пронеслось в голове. Ну что он мог подумать? Конечно, он сегодня сам не свой: ссора с Елизаром, серебряная пантера у того на шее, церемония прощания. Он расстроен и искал во мне поддержку, а я начала размахивать «красным транспарантом», высказываясь о практике и в защиту Тагашева. Сама засунула палку в осиное гнездо, а теперь удивляюсь укусам, да еще и за пижаму ухватилась. Дескать, я — спать, а ты убирайся. Обвив шею Макса руками, нежно коснулась его губ.

— Даже не мечтай, — прошептала я.

Лицо Макса разгладилось. Будто испытывая огромное облегчение, он выдохнул.

— Хочешь, почитаю что-нибудь на ночь? — явно не зная, как загладить вину, предложил он. На красивом лице проступило отчаяние.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава 1. Неприязнь</i>	7
<i>Глава 2. Прощание</i>	21
<i>Глава 3. Ревность</i>	30
<i>Глава 4. Вторжение в сознание</i>	40
<i>Глава 5. Подслушанный разговор</i>	58
<i>Глава 6. Приграничная территория</i>	71
<i>Глава 7. Туннели</i>	88
<i>Глава 8. Несправедливость</i>	104
<i>Глава 9. Похищение</i>	119
<i>Глава 10. Пещера</i>	128
<i>Глава 11. Лаборатория</i>	140
<i>Глава 12. Бывший смертный</i>	152
<i>Глава 13. Клинок</i>	164
<i>Глава 14. Родные</i>	181
<i>Глава 15. Двойной заговор</i>	191
<i>Глава 16. Сквозь дым</i>	206
<i>Глава 17. Анито</i>	221
<i>Глава 18. Пятьдесят и одна луна</i>	232
<i>Глава 19. Серебряная книга верлафов</i>	243
<i>Глава 20. Проваленный экзамен</i>	258
<i>Глава 21. Исчезновение</i>	273
<i>Глава 22. Чужая территория</i>	287
<i>Глава 23. Закрытый город</i>	300
<i>Глава 24. Виктор</i>	318
<i>Глава 25. В тисках врага</i>	328
<i>Глава 26. Пробуждение</i>	340
<i>Глава 27. Перелет</i>	358
<i>Глава 28. Семья рысей</i>	373
<i>Глава 29. Желание</i>	383
<i>Глава 30. Возвращение</i>	392